

Константин САРАДЖЕВ

У этого человека был уникальный, непостижимый дар. Он обладал обостренным слухом, способным различить тончайшие градации повышения либо понижения тона, слышал в октаве 1701 звук. И как сам объяснял, он имел способность «слышать всем своим существом». И был уверен, что «каждая вещь, каждое живое существо Земли и Космоса звучит и имеет определенный, свой собственный тон...».

Звали этого удивительного человека Константин Константинович Сараджев.

Есть имена, которые принадлежат мировой культуре. С чувством огромной благодарности мы относимся к людям, которые сохранили эти имена в истории. Именно поэтому так ценны воспоминания о К. К. Сараджеве Анастасии Ивановны Цветаевой.

В прошлом году в издательстве «Музыка» вышла книга писательницы в соавторстве с Н. К. Сараджевым (братом К. К. Сараджева). Сейчас по многочисленным заявкам читателей готовится ее второе издание. Мы попросили авторов рассказать об истории создания книги, остановиться на некоторых ее фрагментах.

А. Цветаева. Константин Константинович Сараджев, музыкант и композитор, свои сочинения исполнял на колоколах. Он играл и на обычных музыкальных инструментах, но главным его пристрастием, его жизнью был колокол. Его игра на колокольных собирала многих москвичей, а среди них и известных музыкантов Н. Я. Мяскова, А. В. Свешникова, Р. М. Глизера, Л. М. Гинзбурга. Это было потрясающее зрелище. Позволю себе привести воспоминания моего друга Марии Гонты о впечатлении, производимом ни с чем не сравнимым звоном Сараджева. «На фоне синевы выделялся летучий силуэт человека, без шапки, в длинной рубашке, державшего в руках веревочные вожжи ушедших в небо гигантских коней. Маленькие колокола неистово гремели, раскалывая небо жарким пламенем праздничного звона. Большой колокол — как гром, средние — как шум лесов, а самые малые — как фортиссимо птиц. Оживший голос природы! Стихии заговорили! Это музыка сфер! Вселенская — теперь бы сказали — космическая!». А Свешников вспоминал: «Звон его совершенно не был похож на обычный церковный звон. Уникальный музыкант! Многие русские композиторы пытались имитировать колокольный звон, но Сараджев заставил звучать колокола совершенно необычным звуком, мягким, гармоничным, создав совершенно новое их звучание».

Должна сказать, что вдохновил меня на создание этой книги Алексей Максимович Горький. В 1927 году я получила от него письмо с приглашением приехать к нему в Италию. И вот лето, Сорренто... Я рассказываю о Котике Сараджеве (так ласково его звали все — Котик), о его дивном даре. Горький взволнован:

— Вы должны написать о Сараджеве! Книгу! Это ваш долг! И, разумеется, следует, чтобы специалисты занялись звонарем! Такое дарование со всеми его особенностями нельзя дать на слом! И вы мне, Анастасия Ивановна, непременно напишите подробнее про колокола, расспросите его хорошенько... Я этим делом в свое время интересовался, когда приходилось мне в старых городах бывать, где знаменитые звонари отличались... Ведь это — народное творчество, да, один из видов его, оно имеет свою историю!

Когда рукопись была готова, хотелось, чтобы прежде других, прежде всех ее прочитал бы Алексей Максимович. Он уже тогда жил в Москве у Никитских ворот. Поэтому и не снесла «Звонаря» в издательство. Но — Горький был болен, к нему не пускали. Опоздала я с моим и его «Звонарем»!

18 июня 1936 года Алексей Максимович Горький умер...

Спустя некоторое время судьба распорядилась так, что я оказалась очень далеко от Москвы, в Сибири. Котика я больше не увидела. В шквале, налетевшем на страну, погибло многое. Погибли и мои рукописи — среди них книга о Горьком и повесть «Звонарь».

В Москву я вернулась лишь в 1959 году. Узнала, что Котик умер в 1942 году. Меня стала мучить мысль о том, что я так и не выполнила свой долг перед этим уникальным музыкантом. И я начала заново писать о нем книгу. Было трудно, потому что теперь я была совсем одинока среди людей, которые о нем не знали, не слышали его звон. Время унесло многих.

В 1975 году я познакомилась через музыканта Лидию Филипповну Уралову-Иванову с родными Котика: братом Нилом Константиновичем, его женой Галиной Борисовной и с родной сестрой моего героя — Тамарой Константиновной. От них я узнала, что Котик в 30-е годы жил в Москве. Когда он остался без своих колоколов (с 1930 года церковный звон был отменен), стал писать книгу «Музыка колокол». После его смерти она, к

несчастью, попала в руки чужих людей, не понимавших ее ценности, а поэтому, конечно, не сохранилась. Удалось найти лишь отдельные листы. Новые встречи, семейный архив Сараджевых обогатили мою книгу. И в 1977 году в седьмом номере журнала «Москва» рукопись под названием «Сказ о звонаре московском» была напечатана. А книгу «Мастер волшебного звона» мы уже подготовили совместно с Нилом Константиновичем. Сюда вошло многое из семейного архива. Должна добавить, что Котик был сыном известного армянского дирижера и просветителя Константина Соломоновича Сараджева и Натальи Ниловны Филатовой, дочери одного из создателей отечественной педиатрии Нила Федоровича Филатова.

Н. Сараджев. Необычные способности Котика стали проявляться еще в раннем детстве. Константин Константинович был моим старшим братом, и о его детских годах я знаю из рассказов сестры Тамары Константиновны. Она вспоминала, что он был еще совсем маленький, когда стал реагировать на звуки колоколов. Плакал, когда его уносили от колокольной, слушал колокольный звон самозабвенно. Игрушек не признавал, просил дарить только «колокол». У него была целая коллекция колоколов: ударял то в один, то в другой, внимательно слушая, как они звучат. Он еще собирал флаконы от духов, расставлял их, пытался играть на них мелодии. Когда ему было семь лет и его стали учить играть на рояле и на скрипке, он начал импровизировать. Сочинял композиции. Их записывала бабушка и все тщательно хранила. В композициях двенадцатилетнего Котика, рассказывала сестра, уже была колокольность. А потом колокол стал его стихией.

А. Цветаева. Я вспоминаю его доклад «О художественно-музыкальном значении колокола и о воспроизведении музыкальных произведений на колоколах» в Московской консерватории, где он говорил о своей теории музыки. Обращусь к книге.

«Колокол есть моя специальность, мое музыкальное творчество на колоколах. У меня имеется сто шестнадцать произведений, которые по своим исключительно тонким различиям звуковых высот приемлемы для воспроизведения только на колоколах. Для этого нужен особый слух... Его можно назвать «истинный слух». Это способность слышать всем своим существом звук, издаваемый не только предметом колеблющимся, но вообще всякой

вещью. Звук кристаллов, камней, металлов. Пифагор, по словам своих учеников, обладал истинным слухом и владел звуковым ключом к раскрытию тайны природы. Каждый драгоценный камень имеет свою индивидуальную тональность и имеет как раз такой цвет, какой соответствует данному строю. Да, каждая вещь, каждое живое существо Земли и Космоса звучит и имеет определенный, свой собственный тон. Тон человека постигается вовсе не по тону его голоса, человек может не произнести ни одного слова в присутствии человека, владеющего истинным слухом; однако им будет сразу определен тон данного человека... Для истинного слуха пределов звука — нет, как нет предела в Космосе!».

Кстати, любопытный фант: Пифагор начал проводить опыты по изучению музыкальных звуков 2500 лет назад. В том числе и звуков колоколов. Вот эта иллюстрация приводилась в книге американского ученого Грэхэма Чедда «Звук» (М.: «Мир», 1975). Она взята из книги, опубликованной в Италии в 1492 году. Здесь мы видим Пифагора с его учеником Филолаем.

А. Цветаева. Я помню, что себя Котик называл Ре. Я звучала для него нотой — Ми шестнадцать диезов мажор. Марина Ивановна (он опреде-

Встречи

с интересными собеседниками

соответствующие цветные краски. В своей последней симфонической поэме «Прометей» Скрябин мечтал применить согласованную с музыкой смену цветного освещения зала. Аналогичное явление было сильно развито и у Сараджева.

Котика «изучали». И неоднократно. И ученые, и врачи, и музыканты. Психолог Н. А. Берштейн произвел такой, например, эксперимент: он попросил Котика, утверждавшего, что слышит звук данного цвета, надписать на конвертах тональности цветных лент, туда вложенных. Спустя некоторое время он повторил просьбу, которая и была исполнена. Когда он сверил содержимое прежних и новых конвертов, то убедился, что запись была полностью идентичной. Известный психиатр В. А. Гиляровский сказал о нем, что в будущем или все люди будут обладать такими способностями, или он и для будущего — гений!

ЧЕЛОВЕК ВНУТРИ ЗВУКА

лял по фотографии) — Ми семнадцать бемолей минор. Он жил в мире звуков, этот мир был для него беспрделен. Как-то мы ехали на трамвае мимо старых особняков. Внезапно Котик закричал: «...Смотрите! Типичный дом в стиле До сто двенадцать бемолей!». А кроме того, Котик «видел» звук в цвете. Сохранились записи Сараджева о соответствии звука и цвета. Я цитирую по памяти, Нил Константинович меня поправит, если проскользнет ошибка.

Ми-мажор — ярко-голубой, фа-мажор — ярко-желтый, си-мажор — ярко-фиолетовый, ми-минор — синий, серовато-темный,

фа-минор — темно-коричневый, си-минор — темно-красновато-оранжевый и т. д.

Н. Сараджев. Анастасия Ивановна доказала, что память у нее блестящая.

А. Цветаева. Людей Котик тоже «видел» и разделял по цвету. Вероятно, он все время был внутри музыкальной звуковой среды. Многие композиторы видели звук в цвете. Например, Римский-Корсаков, Скрябин, Асафьев. В восприятии музыкальных образов у Сараджева и Скрябина была поразительная общность: определенные тональности вызывали у них

Н. Сараджев. В заключительной главе книги, той главе, что удалось сберечь, Котик писал: «Я сознаю и чувствую, что мировоззрение звуковое мое необходимо для музыкальной науки будущего. Но, к великому моему горю, я не вижу, чтобы кто-нибудь мог понять меня. ...Посвятить... в теорию моей музыки я не вижу возможности, потому что не встречал такого, как мой, слуха. Должно быть, только в будущем у людей будет такой слух, как мой?.. Только в нашем веке я одинок, потому что я слишком рано родился!».

В 1977 году музыковед и специалист по колоколам Лариса Дмитриевна Благоевская опубликовала рукопись главного труда Котика «Список индивидуальностей» больших колоколов всех колоколен г. Москвы», хранившуюся в Пушкинском Доме. Вот что она пишет во вступительной статье: «Что касается местных традиций, чрезвычайно важных в искусстве звона, то к настоящему времени наиболее полными сведениями мы располагаем о колоколах Ростова Великого. О звоне в других городах известно совсем немного. Относительно Москвы рукопись К. К. Сараджева в значительной степени восполнила этот пробел. Сделана нотная запись 317 звуковых спектров (обертонных рядов) наиболее крупных колоколов всех московских церквей, монастырей и соборов».

Рукопись была опубликована в ежегоднике «Памятники культуры. Новые открытия». Тем самым безвестная работа Котика стала признанным памятником культуры, была расценена в научном мире, как наиболее значительный фактический материал по московским колоколам и по акустике колокола вообще.

Котик мечтал о звоннице — концертной колокольной, увенчанной лирой. Сейчас при Музее-заповеднике деревянной архитектуры в Малых Корелах создана музыкальная экспозиция «Северные звоны», своеобразный колокольный оркестр.

Викторас и Гедрюс Купривичусы, отец и сын, каунасские композиторы, реставрировали карильон на башне Каунасского исторического музея и вот уже более двадцати лет концертируют на нем. Возрождается карильон в Ленинграде.

Сбываются мечты выдающегося музыканта.

Записала Л. КУЗНЕЦОВА.